

В ПОИСКАХ ТЕОРИИ ПРАВА

Под редакцией
Е. Г. Самохиной,
Е. Н. Тонкова

УДК 340.12

ББК 67.0

В 118

Авторский коллектив:

Антонов М. В., к.ю.н., доц.; Баженова Е. А., к.ю.н., доц.; Беляев М. А., к.ю.н., доц.; Глухарева Л. И., д.ю.н., доц.; Касаткин С. Н., к.ю.н., доц.; Ковкель Н. Ф., к.ю.н., доц.; Невважай И. Д., д.филос.н., проф.; Осветимская И. И., к.ю.н., доц.; Петрова Е. А., к.ю.н., доц.; Ромашов Р. А., д.ю.н., проф., засл. деятель науки РФ; Самохина Е. Г., к.ю.н., доц.; Тихонова С. В., д.филос.н., проф.; Тонков Д. Е., маг., иссл., преп.-иссл.; Тонков Е. Н., к.ю.н., преп.; Честнов И. Л., д.ю.н., проф., засл. юрист РФ

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации *Д. И. Луковская*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации *С. Л. Сергевнин*
(Северо-Западный институт управления РАНХиГС)

В 118 В поисках теории права: коллективная монография / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. – СПб.: Алетей, 2021. – 286 с. – (Толкование источников права).

ISBN 978-5-00165-194-9

В монографии авторы анализируют условия возникновения и развития современных теоретических концепций, раскрывающих природу права и механизмы его функционирования. Обращается особое внимание на влияние постмодернизма, неоскудевающую догматику в праве, реалистические и социологические модели права.

Монография ориентирована на преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся современными теоретическими исследованиями права.

В оформлении обложки использован фрагмент картины Питера Брейгеля (младшего) «Уплата налога»

УДК 340.12

ББК 67.0

ISBN 978-5-00165-194-9

9 785001 651949

- © Е. Г. Самохина, Е. Н. Тонков, сост., ред., предисл., библиогр. список, 2021
- © Коллектив авторов, 2021
- © Гуманитарный фонд «Тюрьма», 2021
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Оглавление

Предисловие (<i>Е. Г. Самохина, Е. Н. Тонков</i>)	7
Глава 1. Понятие теории в науке о праве (<i>И. Д. Невважай</i>)	9
1.1. Об адекватном употреблении понятия «теория права» в юриспруденции	9
1.2. Что такое «теория» применительно к юридической науке?	12
1.3. Смысл критериев научности в правовой теории	24
1.4. Триалогичность правовой коммуникации	41
Глава 2. Теория права в эпоху пост-постмодерна (<i>И. Л. Честнов</i>)	47
Глава 3. Постмодернистская теория права (<i>Е. Г. Самохина</i>)	59
Глава 4. Догматическая теория права: отживающее знание или неоскудевающий источник юридической практики (<i>Л. И. Глухарева</i>)	78
Глава 5. Актуализация концепции российского правового реализма (<i>Е. Н. Тонков</i>)	94
5.1. Реалистический поворот в праве	94
5.2. История и эволюция феномена	101
5.3. Социалистический правовой реализм	110
5.4. Широкое понимание источников права	112
5.5. Детерминированность историческим контекстом	115
Глава 6. Государство, право, конституционализм в России: реальность и иллюзорность (<i>Р. А. Ромашов</i>)	123
6.1. Иллюзия как форма субъективного отражения государства и права	123
6.2. Понимание российской конституции в контексте соотношения иллюзорного и реального права	128
6.3. Иллюзорность и реализм в современном российском конституционном правопонимании	133
6.4. Простота изменения конституции как доказательство иллюзорной «жесткости» конституционного текста	137
Глава 7. «Реалистическая» модель права в классических направлениях правового реализма (<i>Д. Е. Тонков</i>)	151
Глава 8. Н. С. Тимашев: поиск теории права через социологическую юриспруденцию? (<i>М. В. Антонов</i>)	160

Глава 9. Должна ли правовая теория соответствовать фактам? (На примере критики классического позитивизма в англо-американской юриспруденции) (С. Н. Касаткин)	171
9.1. Правовая доктрина Дж. Остина: содержание и критика	172
9.2. Критика Дж. Остина: «двойные стандарты»	176
9.3. Теория, не соответствующая фактам: стратегии защиты	178
9.4. Соответствие фактам как стандарт оценки правовых теорий: методологическое резюме.	183
Глава 10. К теории права, осознающей себя (Е. А. Баженова)	190
Глава 11. Теория права и сравнительное правоведение: парадигма соотношения (Е. А. Петрова)	199
Глава 12. Современная теория права в поисках реальности: методологические возможности семиотики права (Н. Ф. Ковкель) 209	209
Глава 13. Кризис правовой теории как поиск уже найденного: феноменологический очерк (М. А. Беляев)	229
Глава 14. «Настоящее» и симулякр в праве в условиях кризиса авторитетных инстанций определения общей истины (И. И. Осветимская).	240
Глава 15. Сильный, слабый и химера: стратегии методологического синтеза в философии права (С. В. Тихонова)	249
Библиографический список	260
Сведения об авторах	282

Глава 1

ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ В НАУКЕ О ПРАВЕ

1.1. Об адекватном употреблении понятия «теория права» в юриспруденции

В сравнении с естественными и математическими науками в юридической науке понятие теории не является проясненным в достаточной мере. Пишутся монографии, защищаются диссертации по научной специальности, в которую входит понятие «теория права». Если обратиться к учебникам по теории права, то инвариантное содержание учебной дисциплины «теория государства и права» в них более или менее понятно и определено (в частности, учебной программой). К сожалению, так сложилось, что четкого различения значения термина «теория права» в сфере образования и науки не проводилось с достаточной степенью последовательности. И вина за это, на мой взгляд, лежит на недавней истории советской юриспруденции, потому что описываемая ситуация больше не наблюдается нигде. В силу идеологической зависимости марксистско-ленинская наука и образование в СССР представлялись как единственно правильные, истинные. Поэтому если в науке существует единственно правильная научная теория, то она же и должна преподаваться юристам. Похожая ситуация в других гуманитарных науках, оставшихся в наследство от СССР. В науках же, далеких от идеологической зависимости, ситуация совершенно другая. Возьмем для сравнения физику. Физикой называют научное направление, специальность, учебную дисциплину («общая физика»), но не научную дисциплину и уж тем более не научную теорию. В физике как науке о природе нет «теории физики», но существует большое количество научных физических теорий: механика Галилея, теория классической механики Ньютона, теория электромагнетизма Дж. Максвелла, теория нерелятивистской квантовой механики и т.д. и т.п. В химии, биологии или

математике ситуация аналогичная. Поэтому мне представляется вполне оправданным не употреблять термин «теория права» в единственном числе, когда речь идет о юридической науке. В науке не может существовать какая-то одна теория. В юридической науке существует немало развивающихся и сменяющих друг друга теорий: теория позитивного права Дж. Остина, теория нормативизма Г. Кельзена, теория права Г. Харта, психологическая теория права Л. Петражицкого, социологическая теория права Г.Д. Гурвича, коммуникативная теория права А. В. Полякова и др. Множество конкретных теорий права образует ту сферу юридической науки, которую логично называть теоретической юриспруденцией (или аналитической юриспруденцией). Что касается учебной дисциплины, то её можно было бы называть также «теоретическая юриспруденция». Существующее название «теория государства и права» не удовлетворительная еще по одной причине, суть которой в том, что теория государства и теория права не могут быть одной теорией, так как у них разный предмет: хотя государство тесно связано с правом, но это разные системы, не подчиненные друг другу. Сейчас уже ясно, что государство может быть неправовым, не основанным на праве, а право может быть негосударственным. Теория государства – это скорее политическая теория, а не правовая.

Нередко можно встретить с мнением, что теория права (как учебная дисциплина и как форма научного знания) не имеет большого значения для изучения многих отраслевых юридических дисциплин и использования в юридической практике. Эта ситуация не уникальна. Инженер, разрабатывающий электронные приборы, в вузе изучал множество теоретических дисциплин, в том числе теорию электромагнитного поля Дж. Максвелла, не использует последнюю в своей конструкторской деятельности. Но это не означает, что теорию Дж. Максвелла не надо изучать. Гораздо важнее понимать, почему ученые в самых разных сферах науки, стремятся построить теории, и не удовлетворяются знанием эмпирических фактов и эмпирических закономерностей.

Зачем вводить теоретические термины и объекты, если уже существуют связанные с практикой понятия и представления? Мне кажется, что лучше всего можно ответить на этот вопрос, если обратим внимание на историю возникновения современной науки. В цивилизациях древнего мира (Шумер, Египет, Китай) существовало преднаучное знание,

но это знание было эмпирическим, оно было связано с решением сугубо практических задач, таких, например, как измерение расстояний, площадей, объемов жидких, сыпучих и твердых тел (предвестники геометрии). Это знание имело характер рецептов, привязанных к конкретным ситуациям. Например, для измерения площади квадрата и площади треугольника использовались разные инструкции, рецепты, между которыми не было ничего общего. Современная наука берет свое начало не в этих цивилизациях, в которых рост знаний напрямую зависел от практики, а в цивилизации Античной Греции, где впервые появились формы теоретического знания. Откуда берутся эти формы, что они дают, в чем их преимущество перед эмпирическим рецептурным знанием? Очень точно на этот вопрос отвечал российский философ В. С. Швырев. Он предложил оригинальную и вполне обоснованную точку зрения на различие теоретического и эмпирического знаний в науке. Согласно В. С. Швыреву эмпирический уровень знания рассчитан на *применение* к опыту, к практике, а теоретический уровень знания рассчитан на *развитие* самого этого знания¹. Рост эмпирического знания зависит только от расширения опыта. Теоретическое же знание обладает ресурсом для саморазвития. И дело здесь в том, что при переходе от эмпирического познания к теоретическому в результате формализации происходит формирование особого научного (теоретического) языка и образуются правила конструирования выражений на этом языке. Теория описывает не реальность, а сконструированную теоретическую модель реальности! Теоретические термины становятся элементами языка, с помощью которого можно строить суждения по определенным логически оправданным правилам. На уровне эмпирических терминов такой дискурс невозможен, тут суждения подчинены опыту, а не логике или правилам!

Таким образом, создание научной теории – это создание возможности познанию и знанию развиваться самостоятельно, независимо от опыта. В этом безусловная ценность научной теории и науки в целом. И именно этой возможности и были лишены рецептурные и практически полезные знания древних цивилизаций. Теоретическое знание не может непосредственно применяться к практике, это применение происходит опосредованно. Но ценность теоретического знания заключа-

¹ Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 384 с.

ется еще и в том, что на его основе изобретаются новые виды практики и опыта. Опыт служит основой теории, но теория развивает сферу опыта.

Высказанные соображения, как я думаю, достаточны для оправдания существования теории и стремления её конструировать.

1.2. Что такое «теория» применительно к юридической науке?

В юридической науке существует немало различных теорий права. Но что позволяет методологу объединять некую совокупность взглядов теоретика на право в то, что называется «теория»? В некоторых статьях, докладах можно встретить изложение некоторых авторских воззрений на право. Что дает основание относиться к ним как к изложениям научной теории права? Ясного ответа на данный вопрос мы нигде не найдем. Единственный ответ, с которым, видимо, согласится большинство исследователей, состоит в том, что признаком теории является освещение различных тем и решения проблем правоведения с единых теоретических позиций. Это позволяет, например, выделить семейство естественно-правовых, социологических, позитивистских теорий. Однако такое представление не дает нам знания того, что надо делать, каким требованиям удовлетворять, чтобы построить какую-либо теорию права. В физико-математических науках каждый ученый знает, из каких элементов строится научная теория, структура и функции научной теории в этих областях достаточно хорошо изучены. Этого нельзя сказать о теории права и вообще о теориях в гуманитарных науках.

Пытаясь определить понятие теории в юриспруденции необходимо знать, каково определение теории в математическом и естественнонаучном знании. В истории науки известен факт: первой научной теорией была геометрия Евклида. На протяжении многих веков она была образцом научной теории. Современное представление об аксиоматическом методе построения научной теории имеет свои истоки в указанном образце. Научную теорию отличает особая структура знания. Аксиоматическая теория состоит из системы аксиом – общих утверждений, истинность которых не требует доказательств. Элементами теории является совокупность понятий, каждое из которых должно быть определено.

Третьим компонентом являются правила построения высказываний теории. Сама теория состоит из доказанных теорем, и ее развитие сводится к умножению количества доказанных теорем. Если взять теории в области естественных наук, то место аксиом в них занимают принципы или обоснованные гипотезы. В любой физической теории мы найдем, помимо указанного, существуют еще законы (законы природы). Еще один важный структурный элемент теории – это факты, получившие объяснение с помощью законов. В физической теории имеются также аналоги теорем в математике – это теоретически выведенные суждения о фактах.

В современной науке наиболее развитой и сложной формой системного знания является научная теория. В рассмотренных примерах научная теория имеет определенную структуру, которая включает в себя: 1) исходные принципы, аксиомы, 2) общие законы, 3) совокупность идеализированных объектов и соответствующих им понятий, 4) совокупность правил вывода и приемов доказательств, 5) совокупность выведенных в теории утверждений о предметах действительности, 6) эмпирическую основу в виде фактов. Важно обратить внимание на то, что основные структурные элементы – *принципы, законы, понятия* – выполняют определенные функции, которые присущи теоретическому знанию. К таковым относятся описание, объяснение, предсказание, понимание.

Описание есть представление действительности в определенной знаковой понятийной форме. Поэтому описание зависит от выбранного языка. Каждая наука использует свой язык, поэтому один и тот же предмет описывается в разных науках по-разному. Существуют такие научные языки как математический, физический, химический, биологический, юридический, экономический и др. В обыденной жизни мы также пользуемся естественным языком. Для научного описания изучаемой действительности надо владеть научным языком и уметь им правильно пользоваться. Из сказанного следует, что не существует какого-то одного единственного и “правильного” языка описания. Описание не может быть истинным или ложным, однако, оно может быть адекватным (соответствующим) или нет целям и задачам, которые ставит перед собой исследователь. Если вам надо дать юридическую квалификацию какого-то действия, то необходимо использовать язык правовой науки.

Если вам надо оценить степень ущерба, нанесенного здоровью пострадавшего, то использовать следует язык медицинской науки.

Выполнение функции описания обеспечивается таким элементом научной теории, как научные понятия. Реализуя такую функцию научная теория создает такую форму знания, как научный факт. Всякий факт связан с некоторым предложением, которые позитивисты называли протокольным. Такое «фактуальное» предложение можно выразить, например, следующим образом: «В атмосферном воздухе имеется газ с такими-то свойствами». Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, т.к. без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте. Таким образом, факт есть значение предложения, выражающее определенную ситуацию в действительности. Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. Под этим подразумевается определенный чувственный образ или их совокупность, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено тем обстоятельством, что всякий естественнонаучный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же человека с внешним миром осуществляется только через посредство органов чувств. Поэтому установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием, и перцептивная сторона в той или иной степени необходимо присутствует в каждом факте. В фактах, устанавливаемых простым наблюдением, перцептивный компонент выражен наиболее явно. Если установление факта требует использования сложных технических устройств и приборов, перцептивный компонент выражен слабее, однако он никогда не исчезает полностью. Например, планетарная модель атома – это есть перцептивный или чувственный компонент такого факта, как существование атома. Третий важный компонент факта – материально-практический. Под ним имеется в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, используемых при установлении факта. Материально-практическую сторону факта нередко не принимают во внимание, и создается впечатление, что факт вообще не зависит от этого компонента. Однако это неверно. Достаточно вспомнить о том, что большая часть научных фактов вообще не могла

бы существовать без соответствующих приборов и навыков обращения с ними. Еще более очевидной становится необходимость материально-практического компонента, если мы зададимся вопросом: как одна культура или эпоха может передать свои факты другой эпохе? Ясно, что для этого, прежде всего, нужно передать представителям другой культуры соответствующее предложение. Но достаточно ли этого? Если бы, например, Лавуазье захотел сделать установленный факт достоянием древнегреческой науки, мог ли он удовлетвориться простым сообщением предложения «В атмосферном воздухе имеется газ с такими-то свойствами»? По-видимому, одного этого было бы мало. Хотя греки, может быть, в конце концов, и поняли бы это предложение, оно осталось бы для них не более чем философской догадкой. Для того чтобы превратить это предложение в факт греческой науки, к нему нужно было бы добавить материально-практические средства получения соответствующего газа и исследования его свойств. И так обстоит дело со всеми фактами науки. Без материально-практического компонента они представляют собой лишь умозрительные спекуляции. Даже если факт устанавливается простым наблюдением, материально-практический компонент не равен нулю: он выражается в умении наблюдателя использовать свои органы чувств определенным образом. Особенно значим данный компонент для установления юридических фактов, так как последние всегда требуют определенной процедуры, с помощью которой устанавливается то или иное обстоятельство, имеющее юридическое значение или юридические последствия. Эта процедура предполагает, прежде всего, форму, как правило, письменную, в которой фиксируется факт.

Итак, научный факт включает в себя три компонента – лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной степени необходим для существования факта. Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта. Когда эпистемологи выделяют одну из сторон факта, например чувственное восприятие или предложение, и рассматривают ее саму по себе, они разрывают ее связи с другими сторонами факта и вследствие этого обедняют и искажают рассматриваемую сторону. Например, представляя факт в виде предложения, эпистемолог упускает из виду существенную часть его содержания – ту

часть, которая обусловлена связанным с ним чувственным восприятием и соответствующей совокупностью материально-практических средств. Значение предложения «В состав атмосферного воздуха входит кислород» определяется не только объективным положением дел, но и наличием приборов и практических действий, которые позволяют получить и исследовать кислород. Если мы хотим понять, что представляет собой научный факт во всей его сложности, то следует внимательно проанализировать взаимоотношения между его компонентами. В сущности, именно здесь можно найти решение многих эпистемологических проблем.

Если учитывать сложную структуру факта, то, по-видимому, нельзя говорить об «открытии» фактов. Слово «открытие» представляет собой отголосок эпохи господства механистического мышления, когда считалось, что мир разбит на «ситуации» и «положения дел» независимо от практической и познавательной деятельности человека. Созерцая природу, субъект наталкивается на «положения дел» и «открывает» их. Для современной эпистемологии такое представление о познании совершенно неприемлемо. Человек не «открывает» заранее заготовленные природой факты, а активно воздействует на природу, налагая на нее отпечаток своей личности и деятельности, рассматривая ее с точки зрения своих практических задач, изобретая и совершенствуя духовные и материальные средства познания и преобразования мира, расчлняя действительность на ситуации и положения дел с помощью созданных им концептуальных средств, выделяя в действительности практически важные для него аспекты и т.д. Факты возникают как итог деятельности человека, как результат его активного творческого воздействия на мир. Для появления факта мало сформулировать некоторое предложение. Нужно создать еще материально-практическую сторону факта и привести в соответствие все его три компонента. Это длительный и сложный процесс, который больше похож на творчество, чем на простое копирование.

Можно утверждать, что процедура описания формирует предметную область научного исследования. Благодаря описанию мы задаем предмет исследования. Этим и определяется значение и место описания в процессе научного познания мира.

Объяснение – вторая важнейшая функция научной теории. Объяснительная функция реализуется в многообразных формах, в частности,

как причинное объяснение; объяснение через закон (номологическое объяснение); структурно-системное, функциональное и генетическое (или историческое) объяснение.

Объяснение – это процедура подведения конкретного явления, известного факта под научный закон, правило, норму. Это определение относится к наиболее общему типу объяснения – номологическому. Смысл объяснения в том, чтобы объясняемое явление, процесс, событие или факт были осмыслены как необходимые моменты общих связей и закономерностей. Объяснение относится всегда к уже известным фактам, событиям, явлениям. Благодаря объяснению единичный факт приобретает для нас статус общего, или проявления общего. Поэтому благодаря объяснению мы относимся к факту как к тому, что при известных условиях и обстоятельствах обязательно наступает и к наступлению соответствующего события мы можем подготовиться. Нам, таким образом, важно знать, какие события предсказуемы, а какие нет.

Причинное объяснение состоит в том, что объясняемое событие связывается с другим событием, которое выступает причиной первого. Субстратное объяснение – это выведение свойств и функций объекта из «материала» или состава объекта.

Наибольшее значение функция объяснения имеет в естественных науках. Поэтому их нередко называют *объясняющими* науками. Это связано с тем, что в данных науках всегда стремятся к постижению законов природы. В социальных науках законы имеют характер тенденций, возможностей, но не того, что реально происходит в каждом конкретном случае. Можно говорить об объяснении в социологии, экономике, истории. Но в этих науках мы способны давать лишь вероятностное объяснение, а не достоверное.

В гуманитарных науках в качестве оснований для объяснения часто выступают типологии, а процедуры объяснения с необходимостью дополняются пониманием и интерпретацией, в частности, предпосылок и значений, смыслов текстов и явлений культуры.

Историческое объяснение является одним из значимых в сфере естественно-исторического знания, как, например, в геологии, палеонтологии, ботанике, а также в социально-исторических науках, где ставится задача построения теории развивающегося, имеющего свою историю объекта. В этих случаях при создании теории возникает необхо-

димось сочетать исторический и логический методы в их взаимосвязи и взаимодействии. Исторический метод требует мысленного воспроизведения конкретного исторического процесса развития. Его специфика обуславливается особенностями самого исторического процесса, последовательностью событий во времени и проявлением исторической необходимости через множество случайных событий. Исторический способ построения знания опирается на генетический (по происхождению) способ объяснения, который применяется в том случае, если объектами исследования становятся возникновение и развитие явлений, процессы и события, происходящие во времени. Его дополняет логический способ построения знания о развивающемся объекте, его истории, который представляет исторический процесс в абстрактной и теоретически последовательной форме. Сама по себе временная последовательность исторических явлений не может рассматриваться как порядок построения теории, поскольку историческое, включая случайные, второстепенные факторы, отклоняющиеся от главного направления генетического изменения, не совпадает с логическим, воспроизводящим необходимое, значимое, закономерное. Логико-методологические принципы, структура и типы объяснения, в том числе в истории и социальных науках, разработаны К. Гемпелем, Г. Х. фон Вригтом, а также отечественным методологом Е. П. Никитиным.

Другая важная функция знания – это *предвидение*, или предсказание. По мнению ученых – это главная функция науки. По логической структуре предвидение сходно с объяснением и имеет форму умозаключения. Содержательно разница состоит в том, что объясняют уже известные факты, предвидение же относится к еще не известным фактам, явлениям, объектам. Данная функция характеризует эвристический потенциал научного знания и заключается в выведении из общих законов науки возможности существования новых еще не известных объектов, свойств, явлений, процессов. Познавательная ценность научной теории определяется именно этой функцией. Если имеется ряд теорий, которые удовлетворительно объясняют известный круг явлений и процессов, то наиболее значимой теорией окажется та, у которой наиболее высокий эвристический предсказательный потенциал.

Понимание является специфической функцией гуманитарных наук и заключается в выявлении смысла произведения. Таким образом, по-

нимание относится лишь к тем объектам, которые имеют своего автора, создателя, творца. Это или Бог, или человек. Поэтому в религии имеет смысл процедура толкования природы как творения Бога и этим много занимались в культуре средневековья. К числу произведений человека относится все, что мы называем культурой: речь, текст, жест, поступок, техника, здания, каналы и т.д. У чего нет автора, что существует само по себе и возникло «естественным» образом, то не требует понимания.

Существует две концепции понимания¹. Одна из них может быть определена как психологическая, ибо в её основе лежит эмпатия (способность переноситься во внутренний мир другого человека). Она исходит из того, что процесс понимания есть акт вживания в замысел, мотивы и цели «автора» произведения. Данная концепция реализует принцип древних «подобное познается подобным». Например, если в качестве произведения взять какое-либо историческое событие, то понимание данного события достигается на пути раскрытия социально-экономических, политических, культурных и других условий, а также личностно-психологических предпосылок действий конкретных исторических субъектов. При этом понимание требует от понимающего способности поставить себя на место Другого, то есть того, кого мы хотим понять, вжиться в образ Другого, в известном смысле стать Другим и осознать возможность и необходимость создания именно такого произведения, смысл которого мы как раз и стремимся понять. Такой способ понимания используется в том числе и в юридической науке. Так через обращение к личностным характеристикам законодателя, инициатора закона, мы стремимся раскрыть смысл того или иного законодательного акта. В результате, например, можно понять, является ли предлагаемый закон проявлением заботы об общем благе, или только о себе, о своих интересах. В данной концепции предполагается, что искомый смысл уже существует, он нам предзадан до самого акта понимания. И сверхзадачей понимания здесь является воспроизведение в сознании познающего субъекта знания, аутентичного вложенному в произведение смыслу. Изучая поступки людей, мы хотим их понять, выявить их смысл, а для этого мы интересуемся мотивами и целями человеческих поступков.

¹ *Никифоров А. Л.* Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 280 с.

Вторая концепция понимания связана с идеей произведения как знаковой системы, как «текста» в широком смысле этого слова и названа семантической. Ее истоки мы находим в средневековой герменевтике как искусстве толкования текстов. Здесь работает другой принцип: все познается своей противоположностью. Если бы понимание всегда было аутентичным замыслу, то оно вряд ли было бы актуальным. Человек ищет смыслы, которые важны были бы для него, которые отвечали бы его собственным целям и интересам. В первой концепции понимания от субъекта требуется идентификация с Другим, отказ от себя, от своей индивидуальности. Рассматриваемая здесь вторая концепция понимания учитывает то обстоятельство, что субъект понимания стремится перевести заданный текст на свой язык. Мы всегда стремимся что-то понять у Другого для себя, для своих нужд.

Как понять другого, говорящего на другом языке? Понимание в этом случае есть перевод одного «чужого» языка на другой – «свой» язык. В процессе понимания могут даваться разные интерпретации текста, то есть приписываться одному и тому же тексту разные значения. Это наблюдение лежит в основе семантической концепции понимания, согласно которой понимание есть интерпретация, то есть процедура приписывания значения тексту как системе знаков. В логике и математике интерпретацией называют приписывание значений символам формального исчисления. Возьмем, например, выражение $A \rightarrow B$. До тех пор, пока мы не дали интерпретацию этого выражения, оно не имеет смысла. Допустим следующую интерпретацию. Пусть «А» и «В» обозначают события, а « \rightarrow » обозначает следование событий во времени. Тогда наше выражение приобретает смысл: «Событие А произошло раньше события В». Знак « \rightarrow » можно интерпретировать как отношение причинной связи. В такой интерпретации наше выражение будет означать: «Событие А причинно влечет событие В». Если знак « \rightarrow » интерпретировать как отношение логического следования, то мы получим еще одно – логическое значение выражения $A \rightarrow B$.

Если внимательнее присмотреться к пониманию как процедуре интерпретации, то увидим, что здесь *смыслом текста является его значение внутри определенного контекста*. Действительно, интерпретируя значение знака мы обращаемся к сфере неких значений, которые также заданы лингвистически, то есть с помощью какого-то языка и текста.

В приведенном выше примере выражения «отношение причинной связи», «следование во времени», «логическое следование» взяты из какого-то большего текста, чем выражение $A \rightarrow B$. Таким образом, процедура понимания включает следующие действия: определить контекст, частью которого является истолковываемый текст, затем найти значение данного текста внутри выбранного контекста. Здесь смысл придается тексту и зависит от выбранного контекста и целей интерпретатора.

Описанная процедура понимания находит воплощение в правовой деятельности. Юристы всегда озабочены поиском смысла законов. В сфере права толкование норм права – процедура регламентированная. На Конституционный и Верховный суды РФ возложена функция толкования норма права, эти толкования являются официальными и ими необходимо руководствоваться в практической и теоретической деятельности. Например, Конституционный суд РФ дает толкование норм, рассматривая в качестве контекста текст Конституции РФ. Аналогично: текст Гражданского Кодекса РФ есть контекст, внутри которого даются интерпретации конкретным нормам этого Кодекса. Изучая же конкретный поступок человека, юрист стремится к пониманию его, рассматривая данный поступок в контексте других поступков человека и в целом в контексте его жизни.

Принципы теории являются тем её структурным элементом, который обеспечивает процесс понимания. Дело в том, что принципы в научной теории есть основа, начало, правила, согласно которому *следует действовать*, создавать научные теории и законы, выбирать нормы поведения. Научный принцип – это своего рода мета-закон, то есть он не выражает какой-то конкретный закон природы, но содержит некое указание, которому должны следовать законы природы. Это некий остов или несущая конструкция, на которой строится та или иная физика. Физики обычно рассматривают принципы как выражение особенностей устройства самой природы. Но в отличие от законов, которые имеют эмпирическую верификацию, принципы не могут быть подтверждены фактами. Принципы – это онтологические допущения, которые принимает ученый. Законы научной теории остаются верными и применяемыми на практике даже после того, как научная картина мира поменялась и онтологические представления о мире стали уже другими. Так, к примеру, мы до сих пор пользуемся законами механики

Ньютона, хотя мы уже не думаем, что природа устроена так, как думали в XVIII веке. То есть принципы – это более изменчивый элемент научной теории. Переход к новой более фундаментальной научной теории сопровождается отказом от старых принципов и провозглашением новых. Потому что принципы – это человеческие установления, благодаря которым человек по-новому видит мир, оценивает его и определяет правила своего поведения в этом мире.

Для примера возьмем принцип относительности Галилея, который провозглашает относительность движения объектов, что не является физическим законом. Этот принцип говорит о том, что с помощью физических опытов невозможно отличить друг от друга состояние покоя и состояние равномерного прямолинейного движения. Принцип относительности – это основа, на базе которой человеку следует строить наблюдения за миром. Данный научный принцип позволил И. Ньютону сформулировать свои три закона механики. Расширение этого принципа позволило А. Эйнштейну сформулировать в 1905 году сначала специальную и затем в 1916 году общую теорию относительности.

Таким образом, научные принципы в первую очередь служат для организации измерений, наблюдений и исследований, и лишь во вторую очередь они служат «законами», из которых можно вывести адекватные следствия. Это очень важное соображение, имеющее отношение к нашему вопросу о средствах понимания. Конечно, с научной точки зрения природа никем не сотворена, и поэтому она не может быть предметом понимания. В природе смысла нет. Но человек понимает мир как сделанный неким Умом. Конструктивный подход к научному знанию означает в данном случае, что мы можем познать только то, что можно умозрительно (а иногда и практически) сконструировать (И. Кант). Научные принципы как раз и позволяют понять концептуально описанную “природу”, понять как такая “природа” может быть сконструирована. Теория – это сконструированный образ природы. Поэтому хотя в физике природа бессмысленна, но имеет смысл знание (и познание) этой природы. Поэтому проникновение в смысл знания старой теории позволяет ученым-новаторам подвергнуть его критике и пересмотру, как это было в истории с А. Эйнштейном.

Высказанные соображения относительно строения и функций естественно-научных теорий могут позволить подойти к определению

специфики гуманитарных научных теорий, в частности, теорий в праве. Речь разумеется не может идти о слепом копировании теорий природы в качестве образца теорий в праве.

Поставленные вопросы не прошли мимо внимания отечественных ученых-юристов. Среди пионеров можно назвать Л. И. Петражицкого, который уделял специальное внимание вопросу строения юридического теоретического знания, что было показано Е. В. Тимошиной в своих монографиях, посвященных анализу его творчества¹. Среди современных теоретиков отдельные аспекты специфики юридического знания рассматривались в работах Н. В. Варламовой², А. В. Полякова³, И. Л. Честнова⁴. Е. Ю. Пермяков развивает нестандартные идеи и подходы к определению структуры и функций правовой теории⁵. Считаю необходимым отметить, что обсуждение понятия «теория права», с которым мы встречаемся в основном массиве работ по методологии юридической науки, чаще всего ориентировано на образец научной теории, который заимствуется из области естественных и математических наук. Это объясняется тем, что других образцов для подражания пока нет. И есть хорошо известный ученым юристам прецедент: методология построения нормативной “чистой” теории права была заимствована Гансом Кельзеном у математических и естественных наук.

Ряд принципиальных проблем методологии гуманитарного познания был решен в работах философов Баденской школы неокантианства. Были определены отличия наук о природе и наук о культуре как по предмету, так и по методу познания. Стало общепринятым отличать науки о природе как науки объясняющие от наук о культуре как наук понимающих. В свете этого становится ясным различие в строении теорий гуманитарных и естественно-научных теорий. В естествознании развитая научная теория состоит из трех блоков: принципы (или аксио-

¹ *Тимошина Е. В.* Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права Л. И. Петражицкого. М., 2013.

² *Варламова Н. В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.

³ *Поляков А. В.* Общая теория права. СПб., 2001.

⁴ *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.

⁵ *Пермяков Е. Ю.* 1) Философские основания юриспруденции. Самара, 2006; 2) Эмпирические основания юридической науки // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Право». 2007. № 1. С. 43–54.

мы), законы, понятия. Благодаря законам, говорящим о том, что всегда происходит в действительности, теория способна выполнять функцию объяснения. Отсутствие в теории гуманитарного знания такого элемента, как законы, означает, что это знание не может нам дать какие-либо объяснения происходящих явлений социальной и духовной жизни. По мнению неокантианцев, гуманитарные науки способны, однако, дать нам возможность понимания человеческой жизни. За счет чего? Четкого ответа у неокантианцев мы не найдем. Однако если теория должна обеспечивать понимание, то за это должно нести ответственность ее содержание. К обсуждению этой проблемы я вернусь позже. На данном этапе важно зафиксировать то обстоятельство, что поскольку теория есть форма организации знания, то эта форма должна, видимо, коррелировать с предметным содержанием теории. Это означает, что есть основания искать специфическую форму организации знания в гуманитарной теории, отличную от указанной выше формы организации естественно-научной теории.

1.3. Смысл критериев научности в правовой теории

Ещё одним важным вопросом методологии юридической науки является вопрос о стандартах научности теории. Обсуждая этот вопрос, мы должны иметь в виду, что эти стандарты были выработаны в области математических и естественных наук. Набор базовых требований можно представить так: предметность, объективность, истинность, обоснованность, системность, верифицируемость, фальсифицируемость. Ряд этих критериев используются в гуманитарных науках. Однако специфика предмета гуманитарного познания вынуждает нас искать новые значения таких требований, как предметность, объективность, истинность, верифицируемость и фальсифицируемость. Частично эта задача уже рассматривалась в моих публикациях¹.

Под предметностью научного знания понимается его отнесенность к реальности, существующей независимо от факта знания. Суть пред-

¹ См., напр.: *Невважсай И. Д.* Критерии научности в нормативных теориях: неокантианство и теория права Г. Кельзена // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Философия. Психология. Педагогика»*. 2014. Т. 33. Вып. 2. С. 33–44.

метности лучше понять, если обратиться к логике понятий. Существует классификация понятий, согласно которой понятия различаются по объему на единичные, общие и пустые. Непустые понятия имеют предметное значение, или референт. Напротив, пустые понятия не имеют предметного значения, но, как показал немецкий математик и логик Г. Фреге, они имеют смысловое значение, или просто смысл. Для адекватного описания этой ситуации необходимо говорить не только о понятии, но и о знаке. Значение знака (экстенционал) – это предмет, представляемый (репрезентируемый) данным знаком. Смысл знака (интенционал) – это способ данности обозначаемого, это информация о репрезентируемом предмете, которую содержит сам знак или которая связывается с этим знаком в процессе общения или познания.

Предметность состоит в различении предмета знания и знания предмета. С учетом вышесказанного предметность знания означает, что выражающие знания понятия (знание предмета) не являются пустыми, то есть реально существует предмет знания. Так, к примеру, атом водорода существует независимо от того, знаем мы что-нибудь о нем или нет. Данное требование позволяет отличить научное знание от тех видов знания, предмет которых зависит от самого знания, и поэтому предмет знания (значение) и знание предмета (смысл) оказываются неразличимыми. Но это верно лишь в том случае, если понятие (знание) пустое. Здесь предмет знания не находится в самой действительности как в первом случае, а он создается, конструируется мышлением. Это типично для мифологического мышления, религии и идеологии. Но это верно и для гуманитарных наук. Есть, однако, между ними существенная разница. Мифологическое, религиозное и идеологическое сознание не различает предмет знания и знание предмета, но при этом полагает, что предмет знания первичен и определяет знание предмета. Это означает, что то, что я думаю обусловлено действительностью и потому не субъективно. Например, я думаю о Боге не потому, что у меня есть понятие Бога, а потому что есть сам Бог. Ненаучность такого понимания предмета знания проявляется в отсутствии объективных оснований такого знания. Одним из явлений религиозной христианской культуры было гностицизм. Первые гностики считали, что верующий человек – это тот, кто знает истину Бога, а не находится в каких-то особых отношениях с Богом. В отличие от этих ненаучных форм сознания

научное гуманитарное мышление способно отличать полагание чего-то существующим и существование этого независимо от этого полагания, или самого по себе. То есть гуманитарные науки рассматривают свой предмет знания как созданные самим знанием, сознанием и не считают, что субъективные представления о мире обусловлены самим этим миром. То есть представления гуманитарной науки не являются “иллюзиями” чего-то действительного, “настоящего”. Поэтому гуманитарные науки не считают объекты своего знания существующими независимо от человека и его сознания. Например, полагание ценностей существующими не тождественно признанию этих ценностей как объективных существований самих по себе, пониманию их как данных “свыше”. Поэтому данные науки называются гуманитарными, что это науки о человеческом мире, а не о мирах божественном или природном. Гуманитарные науки изучают тот мир, который создан человеком и в котором и посредством которого он живет!

В естественных науках есть сфера опыта, которая обладает относительной самостоятельностью, и поэтому опыт может свидетельствовать о том, о чем теория «молчит». Это видно на примере так называемых «отрицательных» опытов. Благодаря опыту предмет знания можно отличить от знания предмета (точнее, от содержания знания). Предметность в естествознании выражается посредством соотношения двух видов научных языков – эмпирического и теоретического. Существует ли в юридической науке подобный опыт, т. е. опыт, не зависимый от теории?

Прежде, чем искать ответ на поставленный вопрос, вспомним, что предметом правовой теории являются нормы, через призму которых изучается поведение людей в обществе. Нормы поведения, как известно, могут быть обязывающими, разрешающими и запрещающими. Деонтические модальности существуют в языке, в частности, в юридическом языке. Правовая реальность образуется смыслами языковых конструкций, у которых нет объективных референтов, существующих независимо от языка. Смысловая реальность существует в виде информации, которая содержится в самих языковых знаках. Эта реальность является результатом интерпретации языковой конструкции, например, правовой нормой. Интерпретация – это действие, результатом которого является конструирование, или придание предметного значения знака,

языковой конструкции. Благодаря приписыванию какой-то реальности определенного значения сама эта реальность как бы отождествляется со значением, или начинает обладать этим значением. Это хорошо видно на примерах, связанных с восприятием двойных изображений, когда мы начинаем видеть на изображении ранее не замечаемое после того, как дадим имя тому, что мы должны увидеть. Хорошо известным и ставшим хрестоматийным примером подобной ситуации является витгенштейновский образ “утка-заяц”.

Здесь мы столкнулись с чрезвычайно важной ситуацией, радикально меняющей наши классические представления о научном познании. Согласно этим представлениям научное знание является “зеркалом природы” (Р. Рорти), а сознание непосредственно соотносится с чувственными данными. В дальнейшем были открыты такие посредники между сознанием и материальным миром, как деятельность, коммуникация, язык. “Лингвистический поворот” сыграл решающую роль в понимании специфики гуманитарного познания и знания. Без анализа языка в широком смысле понять познание невозможно, особенно если речь идет о гуманитарных науках. Естественные науки в понимании познания опирались на модель отношения сознание-реальность, в которой обе стороны отношения существуют самостоятельно. Гуманитарные науки используют другую модель: сознание-язык-реальность. При этом ни один из трех элементов не самостоятелен и существует лишь в контексте отношений их друг с другом. С точки зрения этой модели знание уже рассматривается не как образ объективной реальности, а как интерпретация опыта¹. Интерпретация – это процедура, связанная с оперированием знаками. В литературе различают два значения термина “интерпретация”. Согласно одному интерпретация есть толкование смысла текста, согласно другому интерпретация означает процедуру придания значения и смысла языковым конструкциям (“Новая философская энциклопедия”). Поскольку выше мы рассматривали процедуру понимания с точки зрения двух концепций, то я буду придерживаться определения интерпретации во втором значении, а именно, как процесса придания значения знаку. Так, если мы напишем равенство $A=B$, то сможем интерпретировать эту знаковую конструкцию по-раз-

¹ Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002.

ному, например, как равенство двух длин, или как равенство двух масс, или как равенство прав индивидов А и В. Исходя из сказанного, мы понимаем, что реальностью, с которой имеет дело любая гуманитарная наука, является текст, состоящий из множества языковых конструкций, построенных с помощью определенного языка по определенным правилам. Разумеется текст – это не набор знаков, а поле значений знаков и знаковых выражений.

Одним из первых теоретиков-юристов, кто понимал знание как интерпретацию опыта, был Ганс Кельзен. Одной из особенностей гуманитарного и юридического познания является то, что его предмет – это субъектный мир поступков, совершаемых людьми, преследующими в своих действиях определенные цели и реализующими некую систему ценностей. Важны не сами действия и поступки, а их субъективная мотивирующая сторона. В этих социальных актах воплощено некое знание, выражающееся в модальных интенциях должного, разрешенного, запрещенного, которыми определяются поступки субъектов. Различение предмета знания и знания предмета выражалось у Ганса Кельзена в том, что самоистолкование правового акта должно предшествовать тому истолкованию, которое осуществляется наукой о праве. Чтобы понятийно выразить данное обстоятельство, он вводит различие между субъективным и объективным смыслом акта. Субъективный смысл акта, подразумеваемый действующим субъектом, и объективный его смысл, «который данному акту приписывается в системе всех правовых актов», не должны совпадать¹. Иначе говоря, осознание различия между предметом знания и знанием предмета выражается таким образом, что, с одной стороны, предмет знания описывается как реальность, которая сама себя определенным образом выражает, «самоистолковывает» посредством своего особенного «предметного» языка, связанного с описанием субъективных значений, приписываемых совершаемому действию. Например, действие может осуществляться с определенной целью, непосредственно не связанной с юридическими реалиями, в нем могут присутствовать интересы и потребности, которые не входят в сферу компетенции правовой теории. С другой стороны, в суждениях

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве / пер. с нем. М. В. Антонова // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 436.

(знании) о предмете используется иной язык, в котором реальность дана в форме интерпретации языковых выражений, опирающейся на существующее законодательство¹. Два разных способа отношения к событиям действительности создают возможность понятийного разведения предмета знания и знания о предмете. Эти два способа называются интерпретацией и выражением, или именованием. Предмет знания может быть выражен с помощью одних “адекватных” предмету знаков (имен эмпирического языка), но знание предмета предшествует самому предмету, который является результатом интерпретации знаков, имен теоретического языка. Так, например, в социологической концепции права существует разрыв между деонтическими модальностями теоретических суждений и дескриптивными суждениями, относящимися к эмпирически фиксируемым отношениям между людьми, когда последние описываются как фактически существующие. В силу «Закона Юма», логически согласовать прескриптивные и дескриптивные суждения невозможно.

Таким образом, предметность юридической теории неразрывно связана с наличием разных языков – эмпирического и теоретического, – и несовпадением двух эпистемологических процедур – интерпретации и выражения. Благодаря последнему реальность человеческих поступков всегда имеет двойственный характер по типу двойного изображения “утка-заяц”, где, условно говоря, “заяц” есть результат данности предмета благодаря процедуре выражения (с помощью слова “заяц”), а “утка” есть результат интерпретации термина “утка”. В первом случае мы видим зайца, поскольку нашли имя, адекватное видимому нами, во втором случае мы видим утку, потому что имя “утка” имеет значение видимого. Очень часто мы не замечаем разницы между видимым как названным и видимым как выраженным. Это два разных способа образования реальности видимого.

Было описано очень важное обстоятельство. Выражение – это действие внутреннего наблюдателя (совершающего поступок), или, как сейчас говорят, актора, а интерпретация есть действие внешнего наблюдателя (описывающего поступок). Совпадение этих двух действий

¹ См. об этом: *Невважай И. Д.* Взаимодополнительные формы активности субъекта познания: интерпретация и выражение // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Философия». 2011. № 3. С. 54–65.

означало бы, что найденное имя имеет то значение, которое является результатом интерпретации заданного имени. Это случай собственного имени, то есть ситуации, когда адекватным данной реальности является имя “А”, а интерпретация имени “А” дает значение, совпадающее с данной реальностью. Примерами таких собственных имен, для которых план выражения и план значения совпадают, являются Бог, Вселенная, Солнце, Адам – первый человек, вечный двигатель. Но эти термины выходят за границы научного разума.

Другой важнейший критерий научности – истинность. В классической аристотелевской версии истина есть содержание знания, соответствующее объективно существующему объекту. Истинность предполагает предметность знания. Истинность знания требует наличия определенных способов установления соответствия знания и действительности. Эти способы могут быть как логическими, так и эмпирическими. Рассматривая критерий истинности, необходимо иметь в виду, что кроме приведенного выше классического определения истины существуют другие концепции истины (например, когерентная, прагматическая, семантическая концепции и др.). Классическая концепция истины неплохо «работает» в естественных науках, так как последние имеют дело с реальностью, которая всегда есть в наличии либо может быть воспроизведена, например, с помощью эксперимента. Когерентная концепция истины наиболее адекватна тем наукам, которые имеют дело с объектами, существующими в виде текстов (например, исторические науки). Проективные науки – науки о конструируемых объектах, к числу которых относятся технические и социально-гуманитарные, – в основном опираются на прагматическую концепцию истины. При этом истинность синонимична правильности, или соответствию правилу.

Прагматическое понимание истинности, на мой взгляд, содержится в учении Г. Кельзена о праве. Хотя прямых формулировок, касающихся истинности юридического знания, в тексте его пионерской работы «Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве» нет, тем не менее, как мне представляется, в неявной форме у Кельзена есть определенное понимание истинности в науки о праве. Его трактовка истины опирается на идею о том, что гуманитарное знание есть интерпретация опыта. События становятся предметом юридического познания благодаря не своей фактичности, но объективному смыслу, связанному

с этим событием, тому значению, которое ему придается. «Соответствующие фактические обстоятельства, – отмечает Кельзен, – обретают особый юридический смысл, свое собственное правовое значение посредством определенной нормы, которая по содержанию соотносится с этими обстоятельствами, наделяет их правовым значением, так что акт может быть истолкован согласно этой норме. Норма функционирует в качестве схемы истолкования»¹. Другими словами, акт человеческого поведения есть правовой (или противоправный) вследствие нормативной интерпретации. Таким образом, истинное или правильное знание – это убеждение в том, что содержание нормы совпадает с формой практического действия, поступка, и это убеждение разделяется всеми членами данного общества.

Прагматическое понимание истины означает возможность создания определенных вещей, процессов и явлений на основе знания. Гуманитарное знание направлено на конструирование образа жизни, состоящего из отношений и поступков, то есть на создание *субъекта*, живущего по определенным правилам. В связи с этим я считаю вполне оправданной гипотезу, согласно которой смысл гуманитарной правовой теории состоит в описании условий возникновения субъекта права. Эти условия реализуются и существуют в актах правовой коммуникации.

Далее, согласно традиционному пониманию критерия объективности содержание знания не должно зависеть от познающего субъекта. Объективность, таким образом, означает, что в содержании знания не должен быть отражен факт присутствия человека в мире в качестве познающего и знающего этот мир существа. Подобная трактовка объективности непригодна для гуманитарного познания, поскольку предметом последнего является человеческая реальность, содержательно определяемая сознанием, волей, интересами, потребностями человека. В то же время идея «исчезновения» субъективного в знании об объекте может иметь смысл и в гуманитарном познании.

Объективность в науках о природе есть показатель зависимости содержания знания от объекта, но не от познающего субъекта. Иными словами, объективность есть свидетельство зависимости знания от того в субъекте, что от самого субъекта не зависит. Развивая эту мысль, я

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве. С. 436.

хочу предложить версию объективности, которая может быть полезной в гуманитарных нормативных науках. В них объективность может быть понята как зависимость содержания нормативного знания не от произвола субъекта, а от «природы» самого субъекта, от которой он сам зависим и которой подчинено его бытие и сознание. В этом случае объективность знания и его ценностная ориентированность вполне совместимы. Ориентация на определенные ценности и выбор их от самого человека не зависит, если отказ от этих ценностей ведет к отрицанию человеком собственной сущности и собственного существования. Тут скрыта простая истина: выбор ценностей в пользу того, чтобы быть человеком, и есть объективный выбор. Напротив, выбор человеком ценностей, которые можно назвать античеловеческими, – это свидетельство субъективности. От нас не зависит то, что нам дано в качестве дара: происхождение от своих родителей, жизнь, смерть, разум и т. п. То, что человеку дано, даровано и поэтому от него не зависит, – это и есть объективно данные нам ценности. От человека зависит лишь то, как он этим даром и этими ценностями распорядится. Окружающий внешний мир, природу мы называем объективными в том же смысле: они нам даны в качестве дара (т. е. даром). В соответствии со сказанным знание и познание являются объективными, если они соответствуют объективным ценностям, т. е. тем, которые мы не можем отменить, пересмотреть без угрозы самоуничтожения (не обязательно физического). Коротко говоря, для человека объективными ценностями являются те, которые делают его человеком.

Обращу внимание на другое объяснение объективности гуманитарного знания, связанное с нормативным характером сознания. Как показано С. М. Кусковой, рассмотрение нормативного измерения сознания возможно без допущения субстанциального субъекта, так что становится возможной замена утверждений о деятельности Я деонтическими суждениями в безличной форме¹.

Ценностное понимание объективности имеет большое значение для гуманитарного познания. В соответствии с этим подходом справедливость, равенство, свобода являются объективными правовыми цен-

¹ Кускова С. М. Проблема нормативности сознания без субъекта // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 38–58.

ностями. Лишь в соотношении с ними и лишь благодаря реализации их в юридическом познании и знании последние могут быть объективными.

Согласно следующему требованию – требованию обоснованности всякое научное знание должно иметь свои основания. Эти основания могут быть как эмпирическими, так и логическими. Из критерия обоснованности вытекает требование системности научного знания. Иначе говоря, научное знание должно представлять собой совокупность логически связанных элементов знания (понятий и суждений). В такой системе между элементами (например, понятиями) существуют отношения координации и субординации.

С точки зрения логики нет никакого смысла делить теории на гуманитарные, естественнонаучные, математические, ненаучные или какие-либо другие. Теория может описывать или пространство-время, или закономерности воспроизводства населения, или особенности литературного стиля философии Камю, или онтологические основания бытия Бога, или форму правоотношений, но она остается теорией, если у нее есть предмет, автор и особый язык описания выбранного предмета. Разумеется, теории могут иметь большее или меньшее значение для развития науки и экономики, они могут иметь больший или меньший эвристический потенциал, они могут давать целостное или фрагментарное представление о своем предмете, но все эти особенности не меняют логическую основу теории.

Специфика гуманитарной теории обусловлена особенностями языка, применяемого в гуманитарных науках для описания особых «гуманитарных» предметов. Большинство гуманитарных теорий являются содержательными теориями, но это не значит, что они не могут стать аксиоматизированными или даже формальными теориями. Специфическая сложность и аморфность языка гуманитарных теорий часто затрудняет выявление их логической структуры, но не доказывает отсутствие такой структуры, или наличие особого гуманитарного способа теоретизирования.

Но являются ли описанные представления о теории столь уж различными к содержанию действительности? Для ответа на данный вопрос, обратимся к истокам современных представлений о строении научной теории, которые специалисты находят в философии античности.